

ЮБИЛЕЙНОЕ ИНТЕРВЬЮ

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-303-325>
<https://elibrary.ru/CEVEAT>

Разговор с Александром Ефимовичем Парнисом о главном труде его жизни (размышления после юбилея)

Беседовала Екатерина Дмитриева, записывала Дарья Якушева

Эпизод 1

В начале жизни школу помню я...

Е.Д.: У Вас юбилейный год. Обыкновенно в такие времена подводятся итоги?

А.П.: Нет, я не подвожу итогов, а продолжаю работать над «новой» биографией Хлебникова. Несмотря на солидные годы, еще рано ставить точку. В этом юбилейном году у меня были две большие публикации — в «Новом мире» и в «Знамени». Саша Лавров¹ (позволю себе так назвать моего друга А.В. Лаврова, с которым я дружу более 50 лет) в юбилейном слове обо мне отметил, что я как-то выпадаю из общего формата и стиля современного литературоведения и что я занимаю в нем «необычное» место. Это, конечно, юбилейная гиперболизация, но я действительно нашел свою «нишу». Я занимаюсь историей литературы XX века. Темы и «жанр» моих работ диктуют преимущественно найденные мною неизвестные документы и тексты, а источниками для моих исследований является личное общение с информантами. Я хочу рассказать в этой беседе о нескольких эпизодах из биографии Хлебникова, которые так или иначе иллюстрируют этот мой «метод» (простите за пафос). Этот «метод» и позволил мне найти значительное количество неизвестных ранее текстов Хлебникова и ввести их в научный обиход.

¹ Александр Васильевич Лавров (род. в 1949), друг и соавтор А.Е. Парниса, специалист по русскому модернизму, академик Российской академии наук. См. его статью, посвященную юбиляру: *Лавров А.В.* «Знакомый хлебниковед в Киеве». К 85-летию А.Е. Парниса // Литературный факт. 2023. № 1 (27). С. 246–257. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-27-246-257> (примеч. ред.). См. также: *Тименчик Р.Д.* Александру Парнису — восемьдесят пять // Знамя. 2023. № 4. <https://znamlit.ru/publication.php?id=8642> (дата обращения: 07.12.2023); *Баран Х.* О Саше Парнисе. URL: <https://imli.ru/138-novosti-2023/5425-18-aprelya-otmechaet-yubilej-aleksandr-efimovich-parnis> (дата обращения: 07.11.2023) (здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания А.Е. Парниса).

Е.Д.: Какая у Вас была школа?

А.П.: Школы как таковой у меня не было. Я — заочник, самоучка. Настоящую школу я проходил, когда писал статьи о поэтах для энциклопедий — для КЛЭ, для Русских писателей.

Е.Д.: У нас на самом деле самые профессионалы и есть «ненастоящие», как Николай Всеволодович Котрелёв, который сначала был итальянистом, а потом стал русистом. Но давайте вернемся к Вашей «нефилологической» подготовке, которая на самом деле привела к тому, что вы занимаетесь тем, чем мало кто занимается. Можете немного об этом рассказать? Я слышала, что для Вас основной школой был круг книжников в Киеве.

А.П.: Окончив школу в 1955 году, я познакомился с киевскими библиофилами. Они собирали редкие издания начала XX века и запрещенную в то время литературу 1920–1930-х годов, в том числе и эмигрантские издания, которые могли дойти до Киева в то время. А до Киева доходило намного меньше, чем до Москвы и Ленинграда. Я с этим кругом очень близко общался. Мы ежедневно встречались у книжного магазина «Наука» на улице Владимирская, в центре города — около оперы.

Е.Д.: Кто это были? Коллекционеры?

А.П.: Да, коллекционеры, которые собирали книги на разные темы: одни собирали издания «Academia», другие собирали просто старую букинистическую литературу... А я стал собирать поэзию начала XIX века, прежде всего футуристов. Собрать, например, все сборники Гумилева, а он был запрещенный поэт, — мечта любого коллекционера, но стоило это больших денег.

Е.Д.: Вы говорите о послевоенном времени?

А.П.: Это были 50-60-е годы. В 1955 году я поступил в Политехнический институт (заочное отделение) и вечером встречался с этими книжниками: они все были намного старше меня, я же — мальчишка, только кончивший школу. И там я познакомился с одним книжником, который жив до сих пор: хотя мы учились с ним в одной школе, но он был старше меня, и познакомились мы позже, кажется, у этого магазина. Я мало что тогда понимал в книгах, а он был настоящим библиофилом высокого класса — Яков Бердичевский². Впоследствии он стал одним из создателей в Киеве музея А.С. Пушкина, куда передал всю свою пушкинскую коллекцию. Сохранился ли сейчас этот музей?

² Яков Исаакович Бердичевский (род. в 1932 г.) — библиофил, музейный работник, библиограф, коллекционер, член Всероссийской ассоциации библиофилов и Национального союза библиофилов (Москва) (*примеч. ред.*).

Е.Д.: Бердичевский? Он был студентом моего папы³, Яша Бердичевский. Папа говорил, что на экзаменах он обычно немного пижонил. Спрашивал, как отвечать, по Верлену или по Рембо, хотя, кажется, не знал ни того, ни другого. Но в остальном был большим симпатягой. Я очень хорошо его помню. У него было очень интересное собрание картин, которое он нам показал, когда мы с мамой были в Киеве и навестили его в маленькой квартире, густо заполненной книгами и артефактами. Мне было тогда 16 лет, и он сделал мне самый лучший в моей жизни комплимент, обратившись к маме: «Я смотрю на вашу дочь и вспоминаю Гумилева: «Когда я кончу, наконец, / Игру в cache-cache со смертью хмурой, / То сделает меня Творец / Персидскою миниатюрой...».

А.П.: Он жил, по-моему, на Евбазе (Еврейский базар — так называлась площадь Победы, около вокзала). У него была уникальная и очень ценная библиотека и замечательная коллекция экслибрисов. Потом мы жили на одной улице — улице Юлиуса Фучика. Он до сих пор жив, ему 90 лет и живет в Берлине. Он мой давний друг, и я у него многому научился, прежде всего, умению общаться и переписываться с разными людьми, даже с незнакомыми. Он в это время собрал уникальную коллекцию экслибрисов не только в Киеве, но и во всей стране. Он легко расставался с книгами, придумывал разного рода обмены. И мне пришло в голову, что я так же могу переписываться с людьми, которые меня интересуют в связи с моими литературными штудиями. Я, как бы подражая ему, стал переписываться с разными людьми, в том числе с литераторами и художниками.

В 1960 году вышел маленький сборник стихотворений Хлебникова в серии «Библиотека поэта», подготовленный профессором Н.Л. Степановым. Я случайно приобрел его, но когда я стал читать его стихи, то ничего в них не понял. Я стал искать литературу о нем, но выяснилось, что биография его не написана и что он поэт без биографии. Чтобы найти ключ к его текстам, я решил обратиться к людям, которые могли его знать. В 60-х годах были еще живы некоторые его соратники. Например, я стал переписываться с Д. Бурлюком, Б.К. Зайцевым, Г. Адамовичем, художником Ю.П. Анненковым, Н. Габо, которые жили за границей, поэтом Г.Н. Петниковым, который жил в Старом Крыму, и другими. Самое удивительное было то, что мои письма доходили к ним

³ Евгений Александрович Маймин (1921–1997) был в 1960–1980-е гг. заведующим кафедрой русской литературы Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова (*примеч. ред.*).

и что они отвечали мне. Б.К. Зайцев — один из старейших русских писателей, который был председателем Союза русских писателей во Франции и который был знаком с А.П. Чеховым, Л.Н. Андреевым и В.Г. Короленко, — отвечал незнакомому мальчишке из СССР. Его письма были написаны еще по старой орфографии. Я опубликовал его четыре письма в собрании сочинений Зайцева (1999–2001), одно ценное письмо пропало при обыске у меня в 1974 году. Бурлюк так же любезно отвечал на мои «странные» вопросы. Ю.П. Анненков написал по моей просьбе воспоминания о Хлебникове, которые затем включил в свой двухтомник «Дневник моих встреч» (1966).

Е.Д.: А как КГБ смотрел на Вашу переписку с эмигрантами?

А.П.: У меня было два обыска, очень тяжелые для родителей: 13 часов гэбэшники издевались над ними, все перерыли, а мама с испуга после их ухода уничтожила редчайший комплект дореволюционной астраханской газеты за целый год.

Е.Д.: Тем не менее они пропускали письма?

А.П.: Не все. Например, Бурлюк присылал мне свой литературно-художественный журнал «Colog and Rhyme», который он издавал на русском и английском языках, но КГБ его не пропустил, а передал в публичную библиотеку. Он присылал не только журналы, но и книги. Мне позвонили из библиотеки и сказали об этом, и я был вынужден ходить в библиотеку читать присланные мне книги и журналы. На некоторых были дарственные надписи.

Е.Д.: Они были доступны для всех?

А.П.: Нет, конечно, они были на специальном хранении — в библиотеках были такие отделы. У меня был большой враг — это почта. Я постоянно воевал с почтой: многое не доходило, я писал жалобы в разные инстанции. Бурлюк был очень остроумным человеком. Я ему пожаловался, что не все, посланное им, ко мне доходит. На одном из журналов, который он мне послал, он обратился прямо к цензору: «Товарищ цензор! Я друг Советского Союза, учитель Маяковского, пропустите этот журнал!». И как ни странно, этот номер журнала они пропустили, он у меня сохранился с такой смешной надписью. Это был настоящий футуристический жест.

Первый обыск был в 1959 году и был связан с Пастернаком, а второй — с Виктором Платоновичем Некрасовым. Я работал тогда секретарем у Некрасова, но это была синекура. Сначала я расскажу о втором обыске. Это было в январе 1974 года, когда был «знаменитый» обыск у Некрасова, который длился 42 часа, и еще у семерых лиц, связанных с ним. Я находился тогда в Москве и узнал об этом по Радио Свобода. Я понял, что у моих родителей, где я был прописан,

тоже был обыск. Я позвонил в Киев родителям, и они потребовали, чтобы я немедленно вернулся домой. В протоколе обыска было написано, что у меня (вернее — у моих родителей) было изъято «1278 писем». На самом деле, они изъяли около трех тысяч писем, которые почему-то не попали в протокол.

Е.Д.: И все они пропали?

А.П.: Нет, я их отбил. Знающие люди объяснили мне, как нужно действовать. Я написал жалобу в прокуратуру, которая осуществляла надзор над КГБ. Я послал жалобу из Москвы, считая, что это произведет «другое» впечатление.

Е.Д.: Это случилось, когда Некрасов уже уехал?

А.П.: Нет, это было сразу после обыска у Некрасова — в январе 1974 года. Он, конечно, еще находился в Киеве, он уехал в эмиграцию 12 сентября этого года. Я был знаком с Машей Слоним, и она свела меня со своим двоюродным братом — Павлом Литвиновым. Он был известным диссидентом и мастером по сочинению писем-жалоб в официальные инстанции. Он помог мне составить такое письмо в киевскую прокуратуру, осуществлявшую надзор над КГБ. По закону гэбэшники не имели права делать обыск у родителей без моего присутствия. Этим я и воспользовался и накатал «телегу» на них. Как ни странно, моя жалоба произвела впечатление, и гэбэшники на этот раз были предельно вежливы со мной: они приезжали ко мне домой на машине, отвозили меня на допрос и привозили назад.

Капитан, который меня допрашивал (его фамилия, кажется, была Тимченко?), признался, что его сын коллекционирует марки, и он со всех иностранных конвертов сорвал марки со штемпелями, а для меня очень важна точная дата того или иного письма. Он, негодяй, не понимал этого или не знал. Они долго и внимательно изучали всю мою переписку, но никакого криминала в ней не нашли, и после моей жалобы они вернули почти все письма. Некоторые ценные письма и документы все-таки пропали. Вспоминаю, что пропало очень большое письмо Бориса Зайцева. Они меня привлекли по какому-то «постороннему» уголовному делу, не имеющему отношения к Некрасову. Формально они не нашли к чему придраться. Если Некрасов поносил советскую власть с утра до вечера, то я этим не занимался.

Е.Д.: А Пастернак почему?

А.П.: Первый обыск у меня был связан с Пастернаком — это было осенью 1959 года. Он проходил еще на старой квартире на улице Котовского. В Киеве тогда было несколько литературных группировок. Я дружил с замечательным литератором (он не любил термина «ли-

тературовед») — Мироном Петровским⁴, специалистом по детской литературе, впоследствии автором книг о К. Чуковском, С. Маршаке и М. Булгакове. Он фактически был моим учителем, и я многим ему обязан. Он и его несколько друзей часто собирались на квартире у преподавателя университета профессора А.А. Белецкого и его жены. Они собирались и читали стихи, в том числе и Пастернака, обсуждали литературные новости. Я не входил в этот круг, но много слышал об этих посиделках от Мирона Петровского. А за ними как за людьми, которые занимались якобы «противозаконными» делами, была, конечно, слежка. В то время в Москве и в других городах велась активная борьба со стилистами и так называемыми «антисоветчиками». В провинции (а Киев был провинцией по отношению к Москве) КГБ был правовернее папы римского — он делал из мухи слона. Кто-то донес на них, у некоторых участников этой группы устроили обыски, в киевских газетах появились статьи о них, а Мирона Петровского даже назвали «духовным сыном Пастернака». И их стали таскать в КГБ. Вероятно, в связи с моим знакомством с Петровским по этому делу «проходил» и я. И у меня тоже устроили обыск. Самое удивительное — бездарность и неграмотность этих гэбэшников. Они нашли у меня стихи А. Рембо на французском языке, напечатанные на машинке, и в протоколе они написали: «Стихи неизвестного поэта на неизвестном языке». На окне у меня лежала знаменитая книга Л.Д. Троцкого «Литература и революция» (1923), из-за которой мне могли дать срок, но книга была без обложки, поэтому она их не заинтересовала. Они могли бы прочитать фамилию автора на 17-й странице, внизу, где обычно указывается автор и название книги, но они этого не знали и оставили ее без внимания. Они устроили личный шмон, требовали вынуть все содержимое из карманов и сказать, где я храню оружие. Кричали на меня, на родителей.

Е.Д.: В результате этого обыска что-то исчезло, потерялось?

А.П.: Да, к сожалению. Пропали некоторые редкие книги и некоторые ценные вещи, связанные с моими литературными поисками. Во время обыска у Некрасова они забрали у него всю личную

⁴ Мирон Семёнович Петровский (1932–2020) — историк литературы, автор и составитель книг о К.И. Чуковском, С.Я. Маршаке, М.А. Булгакове (Корней Чуковский: Критико-библиографический очерк. М.: Детгиз, 1960. 112 с.; Корней Чуковский: Книга о детском писателе. М.: Детгиз, 1962. 118 с.; Книга о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1966. 414 с.; Мастер и город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 462 с.; Городу и миру: Киевские очерки. Киев: Рад. письменник, 1990. 334 с.; Книги нашего детства. М.: Книга, 1986. 286 с.) и др.

переписку и письма от читателей. Они вынесли девять мешков различных документов, а у меня улов был «скромнее». У него обыск длился 42 часа, а у меня всего 13 часов. Некрасов легко расстался со своей перепиской, а я стал «качать» права.

Е.Д.: Вы ощущали в Киеве антисемитизм, он коснулся Вас, он был сильнее, чем в Москве?

А.П.: Не только коснулся, я был его жертвой. Я уехал из Киева из-за антисемитизма, в Украине он был какой-то изоциренный, я не мог устроиться даже чернорабочим на киностудию имени Довженко. Я мечтал заниматься кино. Я сталкивался с ним на каждом шагу. Все пути и дороги были для меня закрыты.

Е.Д.: А ваш отец что-нибудь рассказывал о Сталинграде?

А.П.: Весь период Сталинградской битвы он провел в городе, в «окопах», как сказал бы Некрасов, но, к счастью, он не был ранен. Отец подробно рассказывал, увы, не мне, а брату. Он был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Когда через много лет я был в Волгограде и посетил музей-панораму, я понял, сколько я упустил и сколько мог узнать от отца о самой Сталинградской битве. Сейчас у меня в библиотеке целая полка книг о Сталинграде — наших и зарубежных.

Эпизод 2

«Знакомый хлебниковед в Киеве»⁵

А.П.: Вернусь к Якову Бердичевскому. Прежде всего, я научился у него «легкости», с которой он общался с незнакомыми людьми, и почти всегда добивался нужного результата. Он был артистом. Он устанавливал отношения со всеми с поразительной легкостью, и я понял, что мне так же следует действовать. И я придумал для себя, условно говоря, такой же «метод». Как я уже говорил, в 60-х годах биографией Хлебникова никто не занимался. У нас был только небольшой биографический очерк о нем, написанный Н.Л. Степановым, учеником Ю.Н. Тынянова, и открывающий первый том собрания произведений Хлебникова (1928).

Я стал разыскивать людей, которые могли его знать. Для работы можно использовать любой литературный справочник или собрание сочинений с указателями имен. Например, собрание сочинений В.В. Маяковского в 13-ти томах или 30-томник А.М. Горького: в именных указателях можно было выявить многих литераторов, ко-

⁵ См. примеч. 1 (примеч. ред.).

торые тогда еще были живы и, как я считал, могли знать Хлебникова. Я внимательно проштудировал последние тома этих изданий и обнаружил большое количество людей, которых следовало разыскать. Выяснить их адреса не составило большого труда.

Когда я приезжал в Москву, я часто посещал «старый» музей Маяковского на Таганке, в бывшем Гендриковом переулке, работал в читальном зале — там была замечательная библиотека и проходили интересные литературные вечера, посвященные Маяковскому и Хлебникову, а также выставки художников — авангардистов, организованные Н.И. Харджиевым. Для меня это было настоящей футуристической «школой». Я познакомился со многими сотрудниками музея и людьми, которые занимались русским авангардом. Круг Маяковского и был фактически кругом общения моего «героя». Благодаря этим двум собраниям сочинений я разыскал многих современников Хлебникова.

В январе 1963 года (?) я был на юбилее Шкловского в ЦДЛ. Я сидел в последнем ряду рядом с пожилой парой. После вечера поэт-переводчик К.П. Богатырев, сын известного ученого П.Г. Богатырева, с которым я был хорошо знаком, сказал мне, что я сидел рядом с Л.Ю. Брик и В.А. Катаняном. Впоследствии я познакомился с ними и часто бывал у них и даже написал и редактировал несколько работ о Маяковском, но об этом расскажу чуть позже⁶.

Сразу после юбилея Шкловского я напросился к нему в гости и на второй день был у него дома — на улице Черняховского. Я расспрашивал Шкловского о Хлебникове и попросил надписать его книгу «Зоо, или Письма не о любви». Он сделал мне замечательную надпись на ней: «Это тоже моя любимая книга. Я должен к любви вернуться. 70 лет + 2 дня. В. Шкловский». В тот же день я был у одного из «героев» этой книги — П.Г. Богатырева, который жил в этом же доме, и он на этой книжке сделал дарственную надпись и поставил эту же дату: 70 + 2 дня.

Когда через несколько лет я был редактором одной из главных биографических книг о Маяковском, написанной В.А. Катаняном, я попросил Шкловского написать предисловие к этой книге⁷.

⁶ См. Парнис А.Е. Маяковский — Лиля Брик: еще раз про это (реконструкция письма-дневника) // Наше наследие. 2019. № 129–130. С. 54–79.

⁷ Книга В.А. Катаняна «Краткая летопись жизни и работы В.В. Маяковского» (1939), ставшая важнейшим источником при изучении жизни и творчества Маяковского в советскую эпоху, неоднократно переиздавалась (в 1945, 1948, 1956, 1961 гг.). Последнее издание, о котором идет здесь речь, вышло посмертно под моей редакцией: Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / [авт. вступ. статей А. Парнис, В. Шкловский]. 5-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1985. 647 с.

Я записал Шкловского на магнитофон, потому что в то время он уже не писал, а только диктовал. И когда я прослушал эту запись, я понял, что напечатать ее в таком «устном» виде совершенно нельзя — в тексте не было никакой логической связи. Я решил применить «метод» монтажа самого Шкловского. Мне пришлось разрезать весь текст и перемонтировать все его фразы и куски. В 20-х годах был издан сборник статей известных писателей под названием «Как мы пишем»⁸. Участник этой книги Шкловский в своей статье рассказал, что у него такой «метод»: он записывает отдельные фразы на листочках, потом он их развешивает на веревке и монтирует. Я поступил по его же «методу» — получилось вполне прилично. Я принес ему этот текст и очень боялся, что он отвергнет его. Шкловский «спокойно» подписал смонтированный мной его текст, не глядя. Монтаж был мой, но по «методу» Шкловского, а текст — его, я почти ничего не исправлял в этой статье. Так я стал «соавтором» Шкловского.

Е.Д.: Он же вообще славился своим алогизмом. Знаете, есть рассказ Ю.В. Манна, как он ходил к нему в гости. Его попросили однажды что-то передать Шкловскому. Манн пришел, предварительно позвонив и представившись. А Шкловский, в ночном колпаке, и тут же спит прекрасная Суок, спрашивает, как его зовут. На следующий день Манну его знакомый рассказывает: Шкловский жаловался, что вечером приходил к нему какой-то немец, очень скучный, только по-русски говорил вполне прилично.

А.П.: Была такая сотрудница «старого» музея Маяковского на Таганке В.А. Арутчева, которая лично знала поэта. Она мечтала составить книгу «Маяковский и его окружение»⁹. Было несколько книг такого рода, изданных в 60-70-х годах: книжки Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» и С. Белова о Достоевском. Конечно, это была замечательная идея и такую книжку надо было собрать и издать. Желательно издать такую же книгу не только о Маяковском, но и о Хлебникове, но это дело будущего.

Е.Д.: А что сейчас с этим музеем, он сохранился?

⁸ В 1930 г. «Издательство писателей в Ленинграде» выпустило сборник под названием «Как мы пишем». В нем авторы (Максим Горький, Андрей Белый, Михаил Зощенко, Алексей Толстой, Вениамин Каверин, Юрий Тынянов, Виктор Шкловский и др.) отвечали на вопросы, предложенные издательством, рассказывая о себе, своих книгах, взглядах на литературу и на литературный процесс.

⁹ Варвара Аветовна Арутчева (1906–1991) — литературовед, исследовательница творчества Маяковского, сотрудница музея Маяковского в 1960-х гг., помощница К.И. Чуковского.

А.П.: К сожалению, этот музей на Таганке, где жил Маяковский вместе с Бриками, был уничтожен. Это было «проделано» сестрой поэта Людмилой и тогдашним директором музея В. Макаровым. Библиотека музея где-то законсервирована, но она тоже почти погибла. Погибла для исследователей. Там было много редчайших футуристических книг с автографами. Это было лучшее собрание книг по русскому авангарду.

Е.Д.: Ведь о Маяковском и Хлебникове существует много легенд. Как можно проделать эту сложную работу?

А.П.: Я решил проделать такую же работу, о которой говорила Арутчева, но о Хлебникове, а также собрать воспоминания о нем. Однако, как я скоро понял, что это очень тяжелый труд, и он не под силу одному исследователю. Прошло много лет после смерти Хлебникова — он умер в 1922 году — и искать людей, его знавших, очень трудно.

Например, Хлебников был в Иране в 1921 году и провел там почти три месяца. Одно время он обучал детей персидского хана русскому языку. Я пытался найти этих детей, но не нашел их, а только смог найти их какие-то следы. Я даже был на приеме у посла Ирана в СССР и пытался ему объяснить, почему я ищу этих людей. Но все это оказалось безрезультатным. Зато я нашел большой «персидский» архив Р.П. Абиha, связанный с пребыванием Хлебникова в Иране. Но это отдельный разговор, я об этом несколько раз писал¹⁰. Кроме того, я собрал большой том воспоминаний о Хлебникове (более 70 авторов), который я надеюсь все-таки издать, часть из них я уже опубликовал.

Эпизод 3

*«И Золушка бежит / Во дни удач на дрожках, /
А сдан последний грош / И на своих двоих...»*

Е.Д.: Вот вы говорите, что нужно к писателю идти через биографию. Насколько это приложимо к другим?

А.П.: Вполне приложимо, хотя и не ко всем. Хлебников не очень любил стихи процитированного Вами Пастернака, он считал его «немецким поэтом». Для Хлебникова все «немецкое» было со

¹⁰ См. последнюю работу об Абиha: *Парнис А. Наши «пыльные» годы // «Быть тебе в каталожке...»: Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина / сост. О. Розенблум, И. Кукуй. Frankfurt a/M: Esterum Publishing, 2023. S. 249–298.*

знаком минус. Например, Гаспаров¹¹ считал, что можно заниматься изучением поэзии даже Демьяна Бедного и стихи его тоже представляет определенный интерес, хотя его биография — «скучная». Вы знаете, что у него была замечательная библиотека (она сейчас находится в Литературном музее) и что он давал Сталину книги читать? Он одно время жил в Кремле, но его выселили оттуда.

Е.Д.: А есть кто-то, кто работает по Вашей же методике, но не над Хлебниковым?

А.П.: Я не знаю. Таковую биографию написал о Мандельштаме, пожалуй, Олег Лекманов, который выпустил ее в серии «Жизнь замечательных людей». Биографией Хлебникова мало кто занимался. Например, С. Старкина построила свою биографию о Хлебникове, которая тоже вышла в серии ЖЗЛ, в основном на опубликованных мемуарах о поэте, но, как мы знаем, мемуаристам не очень следует доверять, поэтому в ее книге много легенд о поэте, неточностей и много «белых пятен», которые она не оговаривает.

Е.Д.: Сейчас через интернет все довольно легко ищется...

А.П.: Интернет, конечно, помогает, но не все в нем можно найти, а найденное нужно проверять... Например, я потратил около пяти лет на поиски следов дяди Хлебникова — Петра Алексеевича Хлебникова, профессора физики Военно-медицинской академии в Петербурге (она существует до сих пор), уехавшего во Францию еще в 70-х годах XIX века. Я нашел его следы в городке Сиссак, около Бордо, но на поиски ушло много сил и времени. У него там была вилла. Его дочь Надежда, которая была двоюродной сестрой Хлебникова, переписывалась с Иваном Буниным и у них даже возник эпистолярный роман. Бунин посвятил ей рассказ «Неизвестный друг», написанный через 20 лет после переписки. Но следы ее затерялись. Единственное, что мне удалось выяснить, что она переехала из Франции в Ирландию и стала женой известного итальянского музыканта Мишеля Эспозито, создавшего в Дублине симфонический оркестр. Удалось выяснить, что ее дочери были знакомы с Джойсом и Беккетом и даже анонимно упоминаются в «Улиссе» и в одном из романов Беккета. Но, к сожалению, больше никаких подробностей установить не удалось. Ее письма к Бунину сохранились и напечатаны в «Литературном наследстве»¹², а ответные письма Бунина,

¹¹ Имеется в виду Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) — ученый-классик, стиховед и переводчик (*примеч. ред.*).

¹² Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. С. 412–423. Автор публикации Л. Афонин не знал, что адресат Бунина является сестрой поэта В.В. Хлебникова.

ее дневники и ее дочерей не найдены. Об этом я написал работу вместе с итальянским профессором Стефано Гардзонио¹³. Почему я разыскивал следы дяди Хлебникова? В одной из анкет Хлебников, отвечая на вопрос, были ли у него в семье выдающиеся люди, назвал этого дядю. В музее Хлебникова (Астрахань) сохранилась его книга «Физика земного шара» (1861), в которой имеются пометы поэта. Я попросил сотрудницу университета в Бордо помочь найти этот дом. В дом она не попала, но смогла только сфотографировать его. Удалось выяснить, что внук этого дяди еще до войны переехал в Париж. Ранее в Париже издавались «желтые» книги с телефонами¹⁴, и по ним можно было найти адреса жителей города. Я «вышел» на сотрудницу Тургеневской библиотеки в Париже и попросил ее найти в этих книгах родственников поэта. В одной из довоенных книг она обнаружила телефон внука профессора Хлебникова. Как удалось выяснить, этот внук, будучи офицером французской армии, в 1940-м году покончил жизнь самоубийством (причины самоубийства установить не удалось, т.к. доступ к документам закрыт). Его вдова дожила до 2000-го года. Имея адрес и телефон, я попросил мою приятельницу Валери Познер¹⁵ пойти в этот дом и попытаться найти следы вдовы внука. Однако ее визит оказался безрезультатным. Все эти поиски я проделал, условно говоря, не выходя из квартиры в Бусинове, где я живу.

Е.Д.: Вы когда-то разыскивали в Пскове некоего Егорова. Чем он интересен, этот псковский Егоров?

А.П.: Профессор И.В. Егоров был литературоведом, учился в 10-х годах XX века в петербургском университете и посещал пушкинский семинарий С.А. Венгерова, но с Хлебниковым он познакомился не в Петербурге, а в Харькове, когда он возглавлял литстудию политотдела юго-западного фронта. Его женой была дочь Ясинского¹⁶ — Татьяна Иеронимовна, которая тоже работала в этой студии (кстати, Хлебников упоминал Ясинского в одной из статей). Они пригласили Хлебникова преподавать в ней. Он читал лекции о поэзии для слушателей. У Егорова сохранились протоколы

¹³ Парнис А., Гардзонио Ст. Литературный четырехугольник: Хлебников — Бунин — Джойс — Беккет (новые материалы) // Русский модернизм и его наследие. Коллективная монография в честь 70-летия Н.А. Богомолова. М.: НЛО, 2021. С. 179–211.

¹⁴ Речь идет о распространенных во Франции вплоть до конца 2010-х гг. телефонных справочниках (le bottin), издававшихся в желтой обложке (*примеч. ред.*).

¹⁵ Валери Познер — историк русского театра и кино (*примеч. ред.*).

¹⁶ Иероним Иеронимович Ясинский (1850-1931) — русский писатель, переводчик, драматург, мемуарист, издатель (*примеч. ред.*).

заседаний в студии, в которых упоминается Хлебников. Среди преподавателей был профессор И.И. Гливенко, автор нескольких книг по мировой литературе. Его сын Валерий — в то время начинающий поэт, стал впоследствии выдающимся математиком, также посещал эту студию и написал воспоминания о встречах с Хлебниковым¹⁷. Обо всем этом Егоров писал мне в письмах. Я попросил Егорова и его жену написать личные воспоминания о Хлебникове. К сожалению, они не успели этого сделать. Я пытался разыскать их архив, но он бесследно исчез.

Эпизод 4

Бывают странные сближения

А.П.: Я хочу также рассказать об одном замечательном слависте, который жил в Англии и был профессором Ноттингемского университета — Янко Лаврине¹⁸. Я нашел его адрес в справочнике «Who is who in England». Любопытно, что в этом адресе не был назван сам город — почему-то указаны только улица и номер дома. Это был прием, характерный для сокращений: если не называется город, то значит подразумевается Лондон, но я этого не знал. Я послал письмо без указания города, написал только название улицы и номер дома (28 Addison Gardens). И, как ни странно, письмо дошло. Он любезно ответил мне, и наша переписка продолжалась более 15 лет. Выяснилось, что он словенец по происхождению и жил до революции в России, работал журналистом в русских изданиях и был знаком со многими литераторами, в том числе и с Хлебниковым. Лаврин сообщил мне, что познакомил в 1913 году Хлебникова с редактором газеты «Славянин» и что он напечатал в ней несколько статей и рассказ о Черногории. Три статьи Хлебникова, напечатанные в «Славянине», были известны, но о рассказе никаких сведений не было. Этот рассказ пропустили Харджиев и Дуганов, изучавшие газету. Я разыскал номер газеты с публикацией рассказа, приписываемого Хлебникову, который

¹⁷ Иван Иванович Гливенко (1868–1931) — русский и советский историк литературы. Его сын Валерий Иванович (1897–1940) написал интересные воспоминания о Хлебникове. См.: *Парнис А.Е.* Об одной загадке биографии Хлебникова // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М.: Труть, 2014. С. 258–271.

¹⁸ *Парнис А.* «Не юбилейте!». Небольшой рассказ о Хлебникове и об одном мемуаристе (приложение: Янко Лаврин. Мое знакомство с Хлебниковым) // Знамя. 2023. № 4. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8641> (дата обращения: 07.12.2023).

напечатан под псевдонимом «В-кій», о чем Лаврин просто забыл. Но он запомнил фразу, с которой начинался этот рассказ: «Стои, влаше, ми те запопим». Я проделал тщательный текстологический анализ и доказал, что он был написан рукой Хлебникова и ввел его в научный обиход. Рассказ Хлебникова «Закаленное сердце. (Из черногорской жизни)», впервые напечатанный в газете «Славянин» под псевдонимом «В-кій», я републиковал в 1977 году, и с тех пор он включен во все издания поэта. По моей просьбе Янко Лаврин написал также воспоминания о Хлебникове, которые я напечатал в этом году в журнале «Знамя».

Е.Д.: Откуда у Хлебникова интерес к черногорцам и угророссам?

А.П.: Среди текстов, напечатанных в «Славянине», была статья «Кто такие угророссы?». Он вообще интересовался малыми народами. Для него интерес к черногорцам, скорее всего, связан с пушкинской традицией. Он даже думал о поездке Черногорию еще в 1909–1910 годах. Вероятно, это своеобразная «реплика» Хлебникова на известное стихотворение Пушкина о черногорцах: «Черногорцы? что такое? — / Бонапарте спросил».

Сам Хлебников вырос среди калмыков-буддистов. Он очень гордился тем, что вырос среди единственных буддистов в Европе и даже упомянул об этом в автобиографии. Мне удалось найти подлинное место рождения Хлебникова — зимняя ставка Малодербетовского улуса (ныне село — Малые Дербеты)¹⁹. Можно сказать, что я «подарил» калмыкам великого русского поэта. Почему я стал искать место рождения Хлебникова? В автобиографии Хлебникова, в его метрике и в свидетельствах родителей были странные разночтения. Я не мог понять, чем это вызвано. Я переписывался с бывшим профессором Астраханского университета Шмидтом: он, кажется, преподавал геологию в нем в 1918–1919 годах. Он дал мне дельный совет: если есть какие-то сомнения, то нужно туда поехать и на месте во всем разобраться. И я поехал. Это был в 1971 году. Денег на поездку у меня, разумеется, не было. Я поехал через Волгоград, а ночевал на улице, на берегу Волги, прямо на камнях. Я приехал в Городовиково

¹⁹ Малые Дербеты (калм. *Бал Дөрвд*) — ныне село, находящееся на севере Республики Калмыкия в 190 км к северу от города Элиста. Оно в конце XIX в. выросло из зимней ставки Малодербетовского улуса, поэтому этот топоним не был указан на географических картах, когда там жила семья Хлебникова.

(бывшее — Тундутово²⁰), пошел в исполком, говорю: «Вот здесь у вас в XIX веке жил попечитель улуса, ученый-орнитолог Хлебников». Но никто ничего не знал об этом. Заместитель председателя исполкома П.М. Цибанев вызвался мне помочь. На мотоцикле мы поехали разыскивать старожилов с надеждой выяснить, не помнит ли кто-нибудь Хлебникова. Но никто ничего о нем не мог нам сказать. Рядом находилось калмыцкое село Малые Дербеты, и после Городовиково мы поехали туда. Село было очень большим, но найти кого-нибудь из стариков почему-то нам не удалось. Тогда я почти ничего не знал о депортации калмыков в 1944 году. Оказывается, почти все старшее поколение по дороге в ссылку вымерло. Но, наконец-то, мы нашли одну пожилую калмычку, Б.С. Матышеву. Она мне рассказала, что в детстве была приглашена на елку в дом попечителя, и показала мне этот дом. К большому сожалению, у меня не было с собой фотоаппарата. Вскоре после моего отъезда калмыки почему-то сожгли дом, найденный нами. Чем это было вызвано — я не знаю. Для того, чтобы узнать и расшифровать эти загадки, я около двух лет просидел в библиотеках, изучая различную литературу о калмыках и стараясь понять, что такое «ставка», «улусная ставка», «попечитель» и разобраться во всех этих вопросах. Я долго не мог понять: если Хлебников родился в улусной ставке, то почему в метрике и свидетельствах родителей названо село Тундутово Черноярского уезда. Литературы об истории Калмыцкой республики тогда было очень мало, но мне удалось выяснить, что калмыки в XIX веке проживали не в русско-украинском селе Тундутово, а в селе Малые Дербеты. На географических картах XIX века юга России тогда еще не было села Малые Дербеты, а указывалась только главная или зимняя ставка Малодербетовского улуса. Скорее всего, село Малые Дербеты выросло из этой ставки только в конце XIX века. В главной ставке было всего несколько строений, среди которых был дом попечителя, где, вероятно, и родился Хлебников, а также несколько подсобных строений. Это подтвердилось еще одним фактом. В семье Хлебниковых сохранилась полувыцветшая фотография дома попечителя, относящаяся, вероятно, к 1886 году, на фоне которого запечатлена вся семья. На руках кормилицы — годовалый Виктор. Поэт Хлебников очень гордился тем, что родился среди калмыков-буддистов. Вокруг этого

²⁰ Тундутово — село, появившееся в 1848 г. на реке Грязная (Альмата), ныне входит в с. Городовиково, Малодербетовский р-н Калмыкии. Численность населения этого села в 2021 г. дошла до 1466 человек.

открытия «нового» места рождения Хлебникова — зимняя ставка Малодербетовского улуса — возникла полемика, но в конце концов исследователи согласились с моей гипотезой.

Эпизод 5 *Загадочный дворец*

А.П.: В автобиографическом рассказе Хлебникова «Нужно ли начинать рассказ с детства?..» есть эпизод, связанный со сгоревшим дворцом в селе Подлужном, около г. Ровно, где проживал в детстве будущий поэт. Я пытался найти сведения об этом дворце. В 1891 году семья Хлебниковых переехала из калмыцких степей на Волынь, в имение князей Чарторыйских, которое находилось в селе Подлужном. Они поселились недалеко от развалин дворца, о котором мало что было известно. Мне удалось установить, что этот дворец принадлежал польской княгине Марцелине Радзивилл (1817–1894), которая вышла замуж за князя Александра Чарторыйского и большей частью проживала в Париже и Кракове. Она была известной пианисткой и последней любимой ученицей Ф. Шопена. В 1812 году вокруг ее дворца был разбит английский сад, созданный ландшафтным архитектором Дионисием Миклером. Хлебниковы в 90-х годах позапрошлого века прожили там три года. По-видимому, описание «польского» сада в поэме «Марина Мнишек» (1913) навеяно детскими годами, проведенными будущим поэтом в Подлужном. Марцелина Чарторыйская в молодости была дружна с художником Эженом Делакруа и упоминается в его дневниках. В Краковском народном музее находится ее портрет работы известного польского художника Яна Матейко. По-видимому, польская тема в творчестве Хлебникова преимущественно связана с проживанием будущего поэта в детстве в селе Подлужном и «историей» этого дворца.

Е.Д.: А почему они там жили?

А.П.: Мать поэта писала, что отец Хлебникова, Владимир Алексеевич, ученый-лесовед, решил показать детям разнообразие русской природы и уникальный английский сад, который создал ирландский ландшафтный архитектор и ботаник Дионисий Миклер. Но, к сожалению, к моменту их приезда в 90-х годах XX века дворец уже был уничтожен. Отец Хлебникова, вероятно, хотел спасти остатки английского сада. Как пишет сам поэт, дворец сгорел, но когда и кто поджег — неизвестно. В 1872 году он еще был цел и изображен на акварели художника Наполеона Орды, которая находится в наци-

ональном музее Кракова²¹. Когда Хлебниковы поселились в этом имении, бывшая владелица была еще жива и проживала в Кракове. В 1860 году князя Чарторыйские продали царскому правительству свое имение в Подлужном. Впоследствии в ее краковском дворце был создан музей Чарторыйских, который существует до сих пор.

Е.Д.: Это какое место в Польше?

А.П.: Это бывшее село Подлужное находится не в Польше, а на Волыни, недалеко от города Ровно. Сейчас в нем никаких следов этого дворца и английского сада уже не осталось: нынешние жители села ничего не знают ни о дворце, ни тем более о Хлебниковых, которые проживали здесь в конце XIX века. Сначала ценнейшая коллекция растений была перевезена в Киев для Царского Сада, а потом она там тоже была уничтожена²².

Эпизод 6

На обочине ислама: персидская кампания 20-х годов

Е.Д.: Давайте перейдем к «персидской» теме Хлебникова.

А.П.: Весной 1921 года Хлебников оказался в Иране, но что он там делал и почему он там оказался — сведений об этом почти не было. В одном из последних писем Хлебникова к матери упоминался некий немец Абих, который тоже был вместе с Хлебниковым в Персии. Здесь необходимо сказать, что Хлебников с юности относился ко всему «немецкому» резко отрицательно. Я решил найти следы этого немца. Позвонил Н.И. Харджиеву²³ и спросил у него, кто такой Абих. Он ответил, что это был авантюрист, жулик, который бегал по редакциям и утверждал, что работает над книгой о пребывании Хлебникова в Персии. Я понял, что Харджиев уводит меня «в сторону» и вешает лапшу на уши. И я решил непременно найти следы Абиха. В Москве тогда было, кажется, около 6 мил-

²¹ См. подробнее о детских годах Виктора Хлебникова, проведенных в Калмыкии и на Волыни, а также репродукцию акварели дворца в Подлужном в статье: *Парнис А.Е.* Из истории хлебниковедения: Неизданные воспоминания Е.Н. Хлебниковой о сыне // Велимир Хлебников и Калмыкия. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 9–106.

²² См. об этом: *Филиппов А.* Письмо из Киева // Аполлон. 1909. № 2. С. [12]. См. также: *Мельник В.Л., Левон О.Ф.* Колекція рослин міклерівського парку в маєтку князя М. Радзивілла в с. Підлужне (Волинське Полісся) // Інтродукція рослин. 2016. № 4 (72). С. 73–85.

²³ Николай Иванович Харджиев (1903–1996) — литературовед, историк русского литературного и художественного авангарда, исследователь и коллекционер, готовил к печати сочинения Маяковского, Хлебникова, Мандельштама и других. Организатор выставок художников-авангардистов в 1960-х гг. в музее Маяковского на Таганке (*примеч. ред.*).

лионов жителей, но в ней не было ни одного человека по фамилии Абих. Я жил на улице Кирова № 21, в здании, где до революции была школа живописи и ваяния, где учились Д. Бурлюк и Маяковский и где жила семья Л.О. Пастернака и другие художники²⁴. В этом же доме в 1922 году проживал четыре месяца и Хлебников. Это была бывшая коммуналка, в которой жил Асеев и бывал Маяковский. Я снимал комнату у одной из сестер Синяковых. Недалеко от почтамта, напротив метро «Чистые пруды» (тогда — Кировская), на площади находилась адресная будка, и можно было за 5 копеек получить искомый адрес. Я каждый день ходил туда со списком. Женщина, которая там работала, как я почувствовал, люто меня ненавидела. Чтобы выяснить какой-нибудь адрес, нужно было знать не только фамилию, но имя, отчество, где родился и год рождения, а у меня часто, кроме фамилии, вообще ничего не было. Она была вынуждена принимать у меня заказы. А центральное адресное бюро находилось в центре, недалеко от Детского мира, напротив знаменитого ресторана «Будапешт»²⁵, куда я тоже ходил выяснять адреса. Единственное, что я знал об Абихе, что он был иранистом. Я ходил в этот Институт народов Азии и Африки, который находился в Армянском переулке, к библиографу по фамилии Милибанд. Она познакомила меня с некоторыми востоковедами-иранистами, но никто об Абихе ничего не знал. Я продолжал искать и не мог понять, почему Хлебников участвовал в каком-то персидском походе, о котором в тогдашней исторической литературе не было никаких сведений. Я долго не мог найти людей, участвовавших в этом походе. Как потом выяснилось, это была очередная советская авантюра. В Иране в 1920 году произошла Гилянская революция, в которой участвовали наши войска, а волжско-каспийскую флотилию, которая отправилась в Персию, возглавил Федор Раскольников²⁶.

²⁴ Ныне — улица Мясницкая (*примеч. ред.*).

²⁵ Ресторан «Будапешт» (прежние названия — Амфир, Элит, Аврора) располагался в здании одноименной гостиницы на Петровских линиях. В XIX в. это была знаменитая кондитерская, где выпекались лучшие в городе пирожки. Закрыт в 1990-е гг. (*примеч. ред.*).

²⁶ Федор Федорович Раскольников (настоящая фамилия — Ильин (1892–1939, Ницца) — писатель и редактор, дипломат, военный, В 1919 г. стал командующим Волжско-каспийской военной флотилии; участвовал в высадке десанта в иранском порту Энзели (1920) с целью возвращения оттуда белой каспийской флотилии — 29 судов, отошедших в Иран в порт Энзели после поражения белого дела на юге России. Под руководством Раскольникова и Г.К. Орджоникидзе был разработан план по захвату Энзели, где Раскольников пытался создать иранскую просоветскую Гилянскую республику. В 1938 г., занимая официальную должность полпреда СССР в Болгарии и предвидя собственный арест, эмигрировал в Париж. В 1939 г. написал ставшее знаменитым свое «Открытое письмо Сталину», в котором

Хлебников всегда мечтал о Персии... Я случайно выяснил, что один из участников этого похода жив и живет в Москве. Это был писатель Алексей Евграфович Костерин²⁷, который отсидел в лагере около десяти лет, и, вернувшись, стал диссидентом. Я выяснил его телефон и позвонил ему — жена сказала, что он отдыхает в Старой Руссе. Я позвонил в Старую Руссу, в дом отдыха и «пропел свою песню». Он рассказал мне, что дружил с Абихом в Персии и Москве и хорошо знал Хлебникова. Абих собирался написать книгу о Хлебникове. Он был редактором газеты «Красный Иран», в которой печатал стихи Хлебникова. Через некоторое время я снова ему позвонил. Он сказал, что он выполнил свое обещание и написал воспоминания о Хлебникове. От него я узнал, что Абих жил в Большом Гнездиновском переулке, в доме № 7, напротив известного дома-небоскреба Нирнзее. Я пошел в ЖЭК и спросил, нет ли у них довоенных книг с фамилиями жильцов этого дома? Объяснил, зачем мне это нужно. Мне дали несколько старых книг, и, пролистав их, я наткнулся на нужную мне фамилию Абих. Узнал номер квартиры и пошел в этот дом искать довоенных жителей. Мне подсказали спросить у одного старого человека, который жил здесь еще до войны, кажется, на третьем этаже. Я постучался и узнал от хозяина квартиры, что совсем недавно вернулась из ссылки жена Абиха и пыталась прописаться в старой квартире, но из этого ничего не вышло. Я попросил помочь мне найти ее. Он пригласил меня в свою комнату, стал куда-то звонить, и через несколько минут я разговаривал по телефону со вдовой Абиха. Звали ее Нина Леопольдовна Левикова. Она пригласила меня к себе на следующий день. Она жила в одном из переулков старого Арбата. Я надел чистую рубаху и пошел к ней в гости. Мне открыла дверь эффектная светская дама из «бывших», которая дымил папиросу

обличал репрессивную сталинскую политику (опубликовано в эмигрантском издании «Новая Россия» (№ 7, 1939). Погиб при невыясненных обстоятельствах (примеч. ред.).

²⁷ Алексей Евграфович Костерин (1896–1968, Москва) — писатель, участник гражданской войны, общественный деятель. В 1920–1921 гг. главный редактор газеты «Красный Иран», в которой печатал стихи Хлебникова. В 1921 г. он стал военным комиссаром Чечни, а затем секретарём Кабардинского обкома ВКП(б). В 1922–1936 гг. жил в Москве, где начал заниматься художественной литературой, стал членом литературных групп «Молодая гвардия», «Кузница», «Перевал». В 1938 г. был арестован как социально опасный элемент, отбывал срок на Колыме. Реабилитировался в 1965 г. и вернулся в Москву, а в мае 1967 г. распространил в самиздате статью «О малых и забытых», посвященную депортированным народам. С этой статьи началась диссидентская деятельность Костерина. Его воспоминания о Хлебникове и художнике М. Доброковском под названием «Русские дервиши», написанные по моей просьбе, были напечатаны в журнале «Москва» (1966. № 9).

и сказала, что из-за меня она не спала всю ночь. Она вспоминала свою довоенную жизнь с Абихом и рассказала, как его арестовали. Потом она вспомнила, что он ей написал из лагеря (тогда еще можно было переписываться с арестованными) и просил спасти бумаги Хлебникова, а также документы и материалы по Ирану, над которыми он работал. Она вспомнила, что, собрав все эти бумаги, она отправила их родственникам мужа в Баку. Н.Л. назвала мне фамилии этих родственников (во время войны носители «немецких» фамилий старались их поменять), и я побежал в «свое» адресное бюро, чтобы узнать их адреса. Оказалось, что «бакинская» племянница Абиха жила в Москве и даже не подозревает, что здесь же живет ее тетя, с которой она была хорошо знакома еще до войны. Когда я позвонил ей, у нее в этот день был ее день рождения, я, шутя, сказал ей, что хочу «подарить» ей тетю. Они встретились. От племянницы я узнал, что, когда приходили посылки из Москвы, они их, не глядя, сжигали. Может быть, что-то и могло сохраниться, но она ничего об этом не знает, так как все оставшиеся вещи и бумаги они свалили в подвал своего дома. Племянница по моей просьбе позвонила в Баку, старшей сестре Абиха, и спросила, сохранилось ли что-нибудь. Прошло около двух недель, и мы, наконец, получили письмо из Баку с сообщением о том, что что-то найдено и что они высылают вдове две посылки. Когда они пришли, вдова пригласила меня к себе, и мы вдвоем их вскрывали. Среди них, к счастью, оказались и рукописи Хлебникова, более 40 листов, а также различные документы и материалы о его пребывании в Персии и в том числе воспоминания участников персидского похода о поэте. Вдова Абиха разрешила мне работать с этими рукописями и позволила увезти их в Киев. Я работал с этими документами и подготовил несколько публикаций. Но нашлись «доброжелатели», которые посоветовали забрать эти документы у меня. Мне пришлось их вернуть. Она решила продать их в библиотеку им. Ленина, но ей предложили за рукописи Хлебникова мизерную цену, и она забрала их назад. Вскоре вдова неожиданно умерла, и ее племянница увезла эти рукописи в США. От нее они попали в Нью-Йоркскую национальную библиотеку, где они находятся и сейчас. Через 20 лет я приехал в Нью-Йорк на международную конференцию и снова работал с ними. Большую часть этих текстов Хлебникова мне удалось напечатать²⁸.

²⁸ См. примеч. 10.

Эпизод 7

Читайте книги Полищука

А.П.: В конце 1963 года, в самом начале своих разысканий, я познакомился с замечательным харьковским художником-конструктивистом В.Д. Ермиловым²⁹, другом и издателем Хлебникова. Он был одним из ведущих украинских авангардистов. У него была поразительная память. Я с ним переписывался несколько лет, буквально до его смерти — в январе 1968 года. Он многое успел о поэте мне рассказать в письмах, но, к сожалению, не успел написать отдельных воспоминаний о нем. Ермилов издал в Харькове поэму Хлебникова «Ладомир» (1920) небольшим тиражом (50 экземпляров) и весь тираж передал поэту. Хлебников одно время у него жил, а потом, когда уехал в Баку, они переписывались. Группу украинских конструктивистов возглавлял поэт Валерьян Полищук³⁰. Он был автором первой монографии о Ермилове³¹. Между прочим, с ним связан известный литературный скандал, из-за которого был запрещен журнал «Авангард», выходивший под редакцией В. Полищука. В третьем номере журнала за 1929 год был напечатан проект Ермилова «Кровать для любви», над которым он якобы работал в это время. Эту шутку придумал сам редактор журнала Полищук, и разразился дикий скандал. Третий номер журнала «Авангард» был запрещен (сохранилось всего два-три номера), а сам журнал прекратил свое существование. Но Ермилову и Полищуку это не сошло с рук. Несколько лет им припоминали об этом, и дальнейшие все трудности и неприятности в их творческой жизни, а также арест В.Л. Полищука, были связаны преимущественно с этим скандалом. В письмах ко мне (у меня их более сорока) Ермилов подробно описывал литературно-художественную жизнь Харькова 10–20-х годов. Каждое письмо по шесть-семь страниц. Часть из этих писем я опубликовал в коллективной монографии о Ермилове³². Вместе с Ермиловым

²⁹ См. коллективную монографию о нем: Василий Дмитриевич Ермилов (1894–1968). Материалы к творческой биографии художника / под общ. ред. А.Е. Парниса. М.: Галерея «Проун», 2012. 536 с. В названии этой главы использовано название конструктивистского плаката В.Д. Ермилова (1926).

³⁰ Валерьян Львович Полищук (1897–1937) — украинский поэт, автор около 40 книг, лидер украинского конструктивизма. В 1925 г. организовал модернистскую группу «Авангард». В конце 1934 г. был арестован по обвинению в украинском национализме и за принадлежность к Центру антисоветской организации боротбистов.

³¹ *Полищук В.* Василий Ермілов. Харків: Рух, 1931. 45 с.

³² См. примеч. 29.

в конце 60-х годов мы задумали издать сборник, посвященный Хлебникову, но, к сожалению, реализовать его не удалось. У меня сохранился только макет этого сборника.

Эпизод 8 или Эпилог *Пропавшая грамота (Подражание Гоголю)*

Е.Д.: А у Хлебникова есть что-нибудь о «Тарасе Бульбе»?

А.П.: Хлебников очень любил Гоголя с детства. Конечно, «Тараса Бульбу» он считал едва ли не вершиной его творчества. У него есть несколько реминисценций и скрытых цитат из этой повести:

Какой из двух потомков Бульбы?
Он, своевольный или старший?
Пороховой, иди, загар шей!
И больше свиста дерзких пуль бы!³³

Гоголь — единственный классик, которого «не трогали» футуристы. Как известно, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого они сбрасывали с «корабля современности», но Гоголя они «не трогали». Например, у Хлебникова есть рассказ «Велик-день» с подзаголовком: (Подражание Гоголю). Кроме того, в 1911 году Хлебников написал рассказ «Смерть Паливоды», впоследствии включенный в «сверхповесть» «Дети Выдры», само имя героя и весь пафос рассказа восходят к «Тарасу Бульбе». У меня есть статья «О гоголевском мифе Хлебникова», она была напечатана в «лионском» сборнике³⁴.

В завершение я хочу рассказать Вам одну любопытную «историю», связанную с рукописью Гоголя. Она интересна тем, что Давид Бурлюк, будущий «отец российского футуризма», несмотря на декларируемое им ниспровержение классиков, как выясняется, был большим поклонником «старины» и классиков. Этот эпизод связан с его ученическим периодом. Чтобы не пересказывать своими словами, я процитирую его письмо от 20 мая 1959 года к полтавскому краеведу П.П. Ротачу:

В Полтаве в 1902 г. учила<сь> в институте (? — А.П.) Александра Ивановна Рощина-Колесова — ученица И.И. Шишкина. Весной (цвели вишни) <в> 1902 г. <я> заехал к ней на пути своем

³³ Хлебников В. Неизданные произведения / под ред. Н.Н. Харджиева и Т. Грица. М.: Худож. лит., 1940. С. 271.

³⁴ Парнис А. О гоголевском мифе Хлебникова. К прочтению стихотворения «Замороженный Озирис...» // Velimir Xlebnikov, poète futurien = Велимир Хлебников, будеглянский поэт. Lyon: Université Jean Moulin Lyon 2, 2009. P. 53–85.

из Казанск<ого> худож<ественного> училища — к родит<елям>, жившим в Херсоне, отец управлял именем Золотая балка на Днепре, около Ново-Воронцовки, в районе Берислава-Никополя. Знакомая А.И. Р<ощиной> Колесовой *Гойер* — пригласила меня на обед к Гоголь-Яновской — с ней была ее дочка — девица лет 17–18. Мы гуляли в саду (описано — читай *Filonov*³⁵). Пошли в дом. Ольга Васильевна кругленькая, седая, подвижная старушка — узнав, что я поэт и художник — подарила мне с надписью: *доброму доброе* — тетрадку, где первые две страницы были записаны рукой Ник<олая>. Вас<ильевича>. Гог<оля>. Будучи рассеян, — я, чтобы «не забыть» дор<огой> подарок, — положил тетрадку за зеркало, высокое — наполеоновск<их> времен в два стекла в золот<ых> резн<ых> рамах... Там она лежит и до сих пор. Вы — правильно говорите: интересно, что в ней было написано... Вероятно, юность, юность... Вишни цветут... Девушка (на пороге 18-й весны) — в кружевном платье, цвета и запаха вишневого сада в мае... Юность — она интересуется пустяками: облаками, бегущими под цветом вишневых садов над зеленоглазой Ворсклой... Потом был патриархальный семейный под большими двумя лампами ужин — много разговоров о литературе — Ольга Васильевна — могла говорить о героях романов И.С. Тургенева, как о своих родичах... А я перепутал и романы и их героев.

К сожалению, судьба этой тетрадки Гоголя неизвестна. Оригинал этого письма Д.Д. Бурлюка к П.П. Ротачу хранится в его фонде в архиве Академии наук Украины в Киеве.

Е.Д.: С ума сойти, как интересно. Это же та самая младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Яновская, в замужестве Головня, которая оставила более всего семейных о нем воспоминаний. Умерла она в 1907 году (а родилась — в 1825). И где теперь эта тетрадка? Какой ветер времен ее унес?

А.П.: Вернусь к первому вопросу, заданному Вами. Когда думаешь и говоришь о подведении итогов, я не буду лицемерить и делать вид, что все «нормально». Следует признаться, что болезни никуда не ушли, и мне нередко бывает не по себе. И все же главное другое — нужно постараться быть в более или менее рабочей форме и, по возможности, заниматься любимым делом. У меня есть серьезное дело — я готовлю к печати первый том своих статей о Хлебникове и надеюсь выпустить его в ближайшее время. Все впереди, ни шагу назад.

³⁵ См. русское издание этой повести: *Бурлюк Д. Филонов / подгот. текста, коммент. и послесл. В. Полякова. М.: Гилея, 2017. 212 с.*